

ГЕНЕРАЛ П.О. БОБРОВСКИЙ И ЕГО КНИГА «РУССКАЯ ГРЕКО-УНИАТСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I».

Протоиерей
Александр РОМАНЧУК

Калининградское высшее инженерное училище инженерных войск имени Жданова (три курса) — 1987; Минская духовная семинария, бакалавр богословия — 1995; Минская духовная академия, кандидат богословия — 2001; соискатель Гродненского государственного университета им. Я. Купалы — 2007.

Книга генерала от инфантерии, члена Генерального штаба русской армии Павла Осиповича Бобровского «Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I» увидела свет в 1890 г. и давно стала библиографической редкостью. Она посвящена Брестской церковной унии. Точнее, исследованию одного из самых интересных и неоднозначно оцениваемых историками периодов существования католической церкви восточного обряда на территории Российской империи: первой трети XIX ст., — времени царствования императора Александра I и первых лет правления императора Николая I. Это были годы, когда решалась судьба униатской церковной общины в России. События, произошедшие в эти годы, предопределили и подготовили ее бесславный конец. Историей унии давался шанс найти силы для самосохранения, но она это шанс упустила. В результате в 1830-е гг. началось сближения униатов с православными и в 1839 г. на соборе униатского духовенства в Полоцке союз с Римом был разорван. Полуторамиллионная паства греко-католической церкви в полном составе перешла в Православие — вернулась к вероисповеданию своих предков. Воссоединение униатов с православными в 1839 г. оказало и продолжает оказывать огромное влияние на религиозное самосознание и национальное строительство белорусского и украинского народов. Поэтому оно привлекало и до сих пор привлекает к себе внимание многих историков, которые высказывают разные, часто взаимоисключающие мнения. Монография генерала Бобровского, в которой собран и проанализирован значительный массив архивных материалов, а также представлен оригинальный авторский взгляд на историческую закономерность исчезновения унии в пределах России, до сих пор не потеряла

актуальности. Без знакомства с ней невозможно осмысление церковного прошлого и настоящего современных Беларуси и Украины.

Павел Осипович Бобровский родился в 1832 г. Он происходил из старинного белорусского дворянского рода, известного с XVII в. Его отец — Иосиф Кириллович — являлся видным юристом, профессором Виленского университета. С конца XVIII ст. семья Бобровских тесно связала свою судьбу с униатской церковью. Дедушка и дядя Павла Осиповича — Кирилл (к сожалению, его отчество нам неизвестно) и Михаил Кириллович Бобровские — были авторитетными греко-католическими священниками.

Павел Осипович рано лишился отца, скончавшегося в 1843 г. С этого момента его воспитанием занимался дядя — протоиерей Михаил Бобровский, — который, разглядев наклонности своего племянника, в 1847 г. выбрал для него военную карьеру.

П. О. Бобровский получил прекрасное военное образование. С 1847 по 1849 гг. он проходил обучение в Полоцком кадетском корпусе, а с 1849 по 1851 гг. в Дворянском полку, привилегированном военном учебном заведении, существовавшем в России в 1807—1855 гг. В 1851 г. Бобровскому было присвоено звание прапорщика, и он получил назначение в лейб-гвардии Литовский полк. В 1853–1854 гг. в составе Дунайской армии молодой офицер принял участие в Крымской войне. В 1857 г. он закончил Николаевскую академию Генерального штаба и до 1863 г. служил в войсках на различных штабных должностях. Параллельно в это время совместно с другими офицерами Генерального штаба он занимался сбором и анализом статистических сведений, касающихся народонаселения западных губерний Российской империи. В частности подполковник Бобровский исследовал Гродненскую губернию. Под его

руководством был составлен пятый том огромного труда — «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба». Две части этого тома увидели свет в 1859 и 1863 гг.

Высочайшим указом в 1863 г. Павел Осипович был назначен на должность офицера для особых поручений с оставлением в составе корпуса офицеров Генерального штаба. В его обязанности входил надзор за военными учебными заведениями. В 1864 г. он был произведен в полковники, а в 1870 г. получил первый генеральский чин. С этого времени его служба на долгое время оказалась связанной с реформой военного образования в рамках общей военной реформы, которую проводил военный министр Д. А. Милютин.

Во многом благодаря трудам генерала Бобровского в пореформенной России была организована эффективная система подготовки боевых командиров. Он стоял у истоков создания юнкерских училищ, которые подняли на новую высоту образовательный уровень русского офицерского корпуса, расширили его социальную базу, что являлось насущной необходимостью в условиях введения в то время всеобщей воинской повинности.

Высочайшим указом и приказом по военному ведомству от 25 декабря 1875 г. генерал Бобровский был назначен начальником Военно-юридической академии с оставлением при Генеральном штабе. Этот пост он занимал до 1897 г., превратив академию в одно из крупнейших военно-научных заведений Российской империи.

Будучи руководителем академии, Павел Осипович Бобровский проявил себя как выдающийся ученый. Он занимался исследованиями широкого круга вопросов, относящихся к теории и практике военного образования, очень важной в военном деле юридической стороне жизни и деятель-

ности войск, истории отдельных элитных частей русской армии, истории строительства регулярной армии при императоре Петре I и проч. Его перу принадлежит более двадцати монографий, в том числе и многоотомных, а также большое количество публикаций в разных военных и гражданских периодических изданиях. Среди них: трехтомный фундаментальный труд «Юнкерские училища» (1872—1876); состоящая из трех частей работа «Военное право в России при Петре Великом» (1882—1898); истории лейб-гвардии Эриванского (Бутырского), лейб-гвардии Преображенского и лейб-гвардии Уланского полков; «Происхождение артикула воинского и изображение процессов Петра Великого по уставу воинскому 1716 г.» (1881); «Постоянные войска и состояние военного права в России в XVII столетии» (1882); «Переход России к регулярной армии» (1885); «Уклонение от военной службы. По законам древнеримским, французским, германским, шведским, а также и русским с XVII века» (1886); «Развитие способов и средств для образования юристов военного и морского ведомств в России. Период преобразований Петра Великого» (1881); «Завоевание Ингрии Петром Великим» (1891); «Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях, с приложением снимков подлинной рукописи» (1887); «К характеристике военного искусства и дисциплины в войсках XVII и начала XVIII столетия» (1891), а также ряда других крупных работ.

В нач. 1900-х гг. Павел Осипович был назначен сенатором с обязанностью присутствия в судебном департаменте правительствующего Сената. Эту работу он сочетал с продолжением научных изысканий и публикациями своих работ. Скончался сенатор генерал от инфантерии П.О. Бобровский в 1905 г., оставив после себя богатое научное наследие, внесшее значительный вклад в развитие военной мысли в Российской империи.

Несмотря на ярко выраженный научный интерес в области организации военного образования, военного права, а также военной истории, П.О. Бобровский обратил свое внимание и на прошлое церкви на белорусско-украинских землях, некогда входивших в состав Речи Посполитой. Он выбрал для исследования очень узкую сложную малоизученную в то время тему — историю греко-католической церкви на территории Российской империи в первой трети XIX века. Мотивы, которыми он руководствовался очевидны. Во-первых, Павел Осипович, являясь патриотом России, любил свою малую родину — Белую Русь или, как говорили в его время и считал он сам, Западную Россию — и никогда не переставал интересоваться ее прошлым и современным ему настоящим. Коренное население Беларуси, согласно его взглядам, сложившимся под влиянием личных этнографических изысканий, состояло из трех этнических групп: белорусов, чернорусов и полешуков (последних он чаще называет малороссами), являвшихся пусть и своеобразной, но естественной частью большого русского народа. Своих предков и себя Бобровский отосил к чернорусам, занимавшим область между Гродно и Брестом. Такие представления привели к тому, что униатскую церковь в своей работе он называет не белорусско-украинской или литовской, а «русской унией», т.е. частью церкви русского народа, вступившей в союз с Римом. Во-вторых, генерал Бобровский происходил из среды воссоединенных. Во время Полоцкого собора 1839 г. он был слишком мал, чтобы разобраться в произошедшем, но события разрыва Брестской унии, их предыстория и логика не могли не занимать его пылкий ум. Наконец, в-третьих, его, вне всякого сомнения, тревожила память о дедушке и дяде — униатских священниках. В особенности о дяде — протоиерее Михаиле Кирилловиче Бобровском, — который занимал в униатской церкви в 1820-е гг. не просто видное, а исключительное положение. Он был блестящим ученым-славистом с миро-

вым именем, членом Брестского капитула и профессором Главной католической семинарии при Виленском университете, в которой преподавал библеистику, воспитывал образованную элиту греко-католического духовенства. Сведения о жизни и трудах протоиерея Михаила генерал Бобровский собирал, начиная с 1860-х гг. В 1889 году он издал очерк, в котором подробно изложил историю жизни своего дяди. Эта работа проникнута восхищением перед научными трудами отца Михаила и признательностью за те тепло и заботу, которыми он окружил детей своего рано почившего брата. Такие мотивы во многом определили не только предмет и направление церковно-исторического исследования П. О. Бобровского, но и, очевидно, оказали очень большое влияние на его научные выводы.

Прежде чем говорить, собственно, о сочинении генерала Бобровского «Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I», нужно сказать несколько слов о самой Брестской церковной унии. Она была заключена в 1596 г. в Бресте между частью епископов Киевской митрополии Константинопольского патриархата, в состав которого Православная Церковь на белорусско-украинских землях входила с 1458 г., и католической церковью. Согласно подписанному соглашению белорусско-украинские епископы подчинялись власти римского папы и в полном объеме принимали католическое исповедание веры, а взамен униатам разрешалось сохранять богослужение по чину Восточной Церкви на церковно-славянском языке, некоторые церковные традиции, а также женатое приходское духовенство.

Среди историков нет, да и не может быть общего мнения о причинах появления Брестской унии. Аргументация ее сторонников простирается очень широко. От утверждения, что это был прорыв к христианскому единству, не имевший альтернативы выход из поразившего белорусско-укра-

инское Православие институционального кризиса, до попыток соотносить идеологию униатства с традициями европейского гуманизма, объяснить ее стремлением передовой части православного общества решить проблему своего религиозно-культурного и национального самоопределения. Исследователи, стоящие на православных позициях, сходятся на том, что Брестская уния оказалась логическим завершением агрессивного католического наступления на Православие, явившегося неизбежным следствием превращения Великого княжества Литовского в католическое государство в кон. XIV — нач. XV вв. Православные историки называют множество закономерных и случайных причин появления унии в Речи Посполитой. От последовательной политики католических монархов, направленной на вытеснение из общественной жизни и всестороннее ослабление Православия ради расширения влияния католицизма, до коварных происков иезуитов. По наиболее общему мнению этой группы исследователей подчинение Православной Церкви инославной недоброжелательно настроенной власти неизбежно заставляло представителей белорусско-украинской культурообразующей элиты искать разного рода компромиссы, что не могло не влиять на ее религиозные и культурные ориентиры. Это привело к тому, что к концу XVI в. у некоторой части православных, в том числе и в кругу высшего духовенства, произошли искажение экклезиологического сознания и утрата духовной чуткости. Появились люди, которым и католический и православный пути ко спасению казались равноценными, а следовательно, не требующими общецерковной глубокой религиозной оценки для решения проблемы восстановления христианского единства. Таковыми в сложное, наполненное религиозными спорами XVI ст., и по стечению обстоятельств, и в результате политики польско-литовского правительства, не допускавшего на иерархические должности Православной Церкви достойных и ревностных к своей вере

кандидатов, оказались почти все епископы Киевской митрополии. С одной стороны, это порождало недоверие пасомых к своим архипастырям, выливавшееся в многочисленные внутренние конфликты, трагически ослаблявшие Церковь, а с другой, — способствовало появлению склонности архиереев к униатской идее, а, в конечном итоге, к заключению церковного соглашения с католиками в Бресте в 1596 г.

Брестская уния создала церковную общину, которая в исторической науке известна под разными именами: католическая церковь восточного обряда, греко-католическая, греко-униатская или просто униатская церковь. Наряду с этими названиями П. О. Бобровский считал допустимым называть ее «соединенной церковью» (т.е. частью Восточной Церкви, соединенной с католичеством) или «русской унией». Большинство историков согласны в том, что Брестская уния вводилась на неприемлемых для православного экклезиологического сознания основаниях¹. Поэтому она не сумела объединить всех русских подданных Речи Посполитой, а расколола белорусско-украинскую церковь на две части: католическую униатскую и оставшуюся верной Православию. В течение XVII и XVIII вв. униаты и православные ожесточенно противостояли друг другу, похоронив надежду польско-литовских правителей не только на полное торжество католицизма, но и на достижение религиозного мира в стране. На территории современной Украины, где на огромных пространствах влияние правительства Речи Посполитой было слабым, против греко-униатства резко выступило казачество. Оно отстаивало русскую религиозно-культурную самобытность, видело в унии инструмент национально-религиозного угнетения, а потому не позволило ей ни слишком распространиться, ни пустить глубокие корни. На белорусских землях ситуация была иной. Здесь государственная власть в силу географических и различных исторических причин, прежде всего, — эт-

нокультурного и религиозного ренегатства высшего класса, обладало гораздо большей силой, а местное православное население не имело реальной возможности организоваться для отстаивания своих религиозных интересов. Поэтому, несмотря на ожесточенное сопротивление, доходившее до кровавых столкновений, уния на территории нынешней Беларуси сумела возобладать над Православием. К концу XVIII в., согласно данным, которыми оперируют некоторые современные исследователи, не менее 80% белорусских крестьян оказались униатами. В целом же католицизм восточного обряда в своей белорусской части сумел создать относительно прочные церковные структуры и тем закрепиться среди народа. В то же время, как отмечают многие авторы, под внешней униатской оболочкой в глубине своего самосознания простые верующие греко-католики и близкое к ним приходское женатое (или иначе — белое) духовенство продолжали оставаться православными. Католическое вероучение, принятое белорусско-украинской иерархией в 1596 г., за два столетия не сумело проникнуть в духовную жизнь народа, превратить белорусов в полноценных католиков. Это было парадоксом жизни русской унии, ее слабой стороной.

Около 1772 г. католическая церковь восточного обряда в Речи Посполитой насчитывала 9452 прихода, распределенных по 8-ми епархиям. В результате трех разделов Польско-Литовского государства 1772-1795 гг. приблизительно 60% униатских приходов (от 5600 до 6052, точно неизвестно) оказались в пределах Российской империи. Количество униатов, ставших подданными России, определить трудно, но, исходя из сопоставления данных, собранных разными историками, вероятно, оно составляло от 4 до 5 миллионов человек. В новых общественно-политических условиях, когда уния лишилась поддержки католической власти, перешла в разряд терпимых, а Православие, наоборот, приобрело

государственное покровительство и статус господствующей Церкви, греко-униатская церковь стала беззащитной перед лицом внешних воздействий. Теперь возможность ее дальнейшего существования была тесно связана с ее внутренними силами.

События кон. XVIII — нач. XIX вв. показали, что завоеванные Брестской унией в Речи Посполитой широкие позиции были очень слабыми. За три десятилетия с 1772 по 1803 г. ее как в пользу Православия, так и латинского обряда оставили миллионы верующих и тысячи священнослужителей. В итоге к 1807 г. униатская церковь в пределах Российской империи представляла собой относительно небольшое церковное объединение. Она насчитывала от 1 425 599 до 1 538 890 верующих. Число приходов достигало 1436, с 1809 г. распределенных по четырем епархиям. Духовенство состояло из 1735 приходских и 738 безместных (т.е. не имевших постоянного места служения) священников. Униатское монашество, объединенное уставом св. Василия Великого и отсюда получившее наименование базилиан (или василиан), было организовано по образцу католических монашеских орденов и разделено на три провинции: Литовскую, Белорусскую и Русскую. В 1801 г. орден в России состоял из 722 членов и располагал 85 мужскими и 11 женскими монастырями. Компактно униаты проживали на Севере и Северо-Западе современной Беларуси в пределах нынешних Гродненской, Витебской, части Брестской и Минской областей. На украинских территориях, где к 1803 г. в унию после массового исхода из нее людей осталось 176 приходов, 195 приходских священников и 94977 верующих, греко-униаты жили небольшими разрозненными группами, разбросанными на огромных пространствах. Украинские униаты в нач. XIX в. составляли незначительную часть от общего количества российских католиков восточного обряда, поэтому главные события, повлиявшие на судьбу унию в России,

разворачивались на белорусских землях. История этой полутораmillionной белорусско-украинской униатской церкви с 1801 по 1828 г. стала предметом исследования П. О. Бобровского.

Обращаясь непосредственно к церковному исследованию генерала Бобровского, нужно сказать, что, хотя автор не декларирует этого, с наиболее общей точки зрения оно посвящено поиску ответа на вопрос об исторической закономерности исчезновения российской части Брестской унию в 1839 г. Большинство современных историков видит причину прекращения ее существования в неизменной на протяжении всего XIX в. агрессивной конфессиональной политике правительства империи, но не задумывается: был ли этот разрыв исторически предопределен. Чаще всего в литературе последних десятилетий можно встретить мнение, что после подавления восстания патриотов Речи Посполитой в 1830-1831 гг. царские власти стремились русифицировать население отнятых у Речи Посполитой областей. Ставилась цель подавления местного сепаратизма, а также окончательной и бесповоротной интеграции белорусско-украинских территорий в состав России. Ради достижения этой цели российские власти, помимо прочего, начали разными методами активно вмешиваться во внутренние дела греко-католической церкви, усматривая в ней союзницу польского костела — вдохновителя патриотов великой Польши. Царские чиновники не стеснялись нарушать свободу совести униатского духовенства и простого народа. Результатом религиозного насилия стало появление в среде униатской иерархии людей, предавших свое вероисповедание из личных корыстных побуждений. Они, действуя по указке властей, явились «могильщиками» католицизма восточного обряда, приведя его последователей в полном составе к господствующему в России Православию. Предыстория событий 1830-х гг., как правило, описывается лишь вскользь.

В основном историки занимаются доказательством того, что враждебное отношение Петербурга к унии имело место в течение всех первых десятилетий XIX века, а восстание 1830-1831 гг. стало только предлогом для ширококомасштабного окончательного наступления на греко-католичество, как рудимент Речи Посполитой.

Генерал Бобровский, очевидно, придерживался другого взгляда. Это видно уже из хронологических рамок его работы. В ее названии он заявил, что ограничивается описанием унии в царствование императора Александра I, который, как известно, правил с 1801 по 1825 гг. Однако в действительности П. О. Бобровский продолжил исследование до 1828 г., что представляется далеко не случайным. В короткой истории унии в пределах России он выделяет два очень отличающихся друг от друга периода. Первый, с 1801 по 1828 гг., характеризовался относительной стабилизацией в жизни униатской церкви после потрясений, постигших ее на рубеже XVIII и XIX ст. В эти годы уния пользовалась вполне толерантным отношением властей, как и любая другая религия, отнесенная законодательством Российской империи к разряду терпимых. Это рождало у искренних греко-католиков надежду на сохранение и свободное развитие своей церкви. Оптимизм униатов подкреплялся тем, что, несмотря на очевидное желание православного духовенства восстановить утраченные на белорусско-украинских землях под польским владычеством позиции Православия, никакой целенаправленной православной миссии среди католиков восточного обряда в царствование Александра I и в начале правления Николая I, вплоть до 1833 г., организовано не было.

Вполне толерантное отношение к унии, сложившееся при императоре Александре I, не изменилась и в первые годы царствования Николая I. Однако в 1828 г. власти империи поставили перед собой конкретную

задачу упразднения греко-католицизма, что было связано с появлением проекта общего возвращения униатов к православному вероисповеданию, предложенного правительству молодым униатским священником Иосифом Семашко, впоследствии ставшим православным митрополитом Литовским и Виленским.

Проект прелата Иосифа, изложенный в записке от 5 ноября 1827 г. под заголовком «О положении в России Униатской церкви и средствах возвратить оную на лоно Церкви Православной», был одобрен императором Николаем I 14 ноября 1827 г. 22 апреля 1828 г. был издан указ правительствующего Сената «Об учреждении Греко-Униатской духовной коллегии», который впитал в себя почти все предложения Семашко. Этот указ стал правовой основой глубокой реформы униатской церкви, направленной на разрыв Брестской унии. С этого момента начался поддержанный властями процесс приближения греко-католиков к Православию во всех сферах церковной жизни, который завершился Полоцким собором, положившим конец существованию греко-католицизма в России в 1839 г.² Таким образом, 1828 г. стал рубежом в конфессиональной политике Петербурга и началом нового периода существования унии, продолжавшегося до 1839 г. События польского восстания 1830-1831 гг. лишь определенным образом повлияли на уже развивавшиеся внутри и вокруг унии процессы. По мнению одних авторов они ускорили их, а согласно выводам других затормозили и исказили.

П. О. Бобровский не был ни первым, ни единственным историком, который таким образом смотрел на периодизацию короткой истории унии в России. Сходные мысли высказывали многие дореволюционные российские авторы. Однако заслуга генерала Бобровского состоит в том, что он пошел дальше констатации факта появления новой конфессиональной политики Петер-

бурга в западных губерниях в 1828 г., задумался о закономерности ее возникновения. Современные ему православные исследователи (М. Коялович, Г. Киприанович, И. Наумович, П. Жукович, Ю. Крачковский и др.) восхваляли митрополита Иосифа Семашко и его сподвижников: архиепископов Василия Лужинского и Антония Зубко, которые, являясь греко-католическими епископами, сделали все возможное, чтобы разорвать союз своей церкви с Римом. В этих иерархах, в первую очередь в высокопреосвященном Иосифе, вполне справедливо видели главных героев воссоединения. Но никто не задавался вопросом о том, случайным ли был их выход на историческую сцену, или в предшествующие три десятилетия внутри унии имели место такие тенденции, которые породили в среде униатской иерархии активных и убежденных деятелей воссоединения. Под таким углом зрения на проблему взглянул только генерал Бобровский.

Поставив перед собой задачу: выяснить причины появления в унии стремящихся к Православию высокопоставленных духовных лиц, — автор постарался проанализировать состояние униатской церкви с 1801 по 1828 гг. Он обнаружил, что унию в это время терзали серьезные проблемы во всех жизненно важных для любой крупной религиозной общины областях: церковного управления на всех уровнях; понимания и применения канонического права; богословского образования духовенства; литургической практики; распределения церковных капиталов. Кризисные явления были питательной почвой для стремительно развивавшихся тенденций латинизации и полонизации унии. Латинизация заключалась в проникновении в богослужебную практику и во все сферы внутренней и внешней организации церковной жизни элементов, свойственных исключительно католической церкви латинского, или иначе — римского, обряда. Полонизация состояла в принятии униатским духовенством польского

языка и культуры и распространении их среди простого народа. Латинизация и полонизация уничтожали свойственные унии черты русской церкви, толкали ее к полному растворению в польском костеле. Они же способствовали скрытому латинскому прозелитизму. По косвенным подсчетам автора с 1803 по 1828 гг. из унии в латинский обряд тайно перешли не менее 200 000 пасомых, из-за чего за четверть века число униатов в России не увеличилось, хотя должно было уже из-за естественного прироста. Все это было губительно для русского греко-католицизма, несло для него очевидную угрозу.

Изучение архивных материалов и воспоминаний современников привело П. О. Бобровского к выводу, что тяжелая ситуация внутри униатской церкви начала складываться давно и не была случайностью. Кризисные явления и губительные тенденции появились в ней не под российской властью, вследствие ее мнимой религиозной нетолерантности, а еще во времена Речи Посполитой. Они были наследием польского религиозного и этнокультурного господства, той эпохи, когда польское латинское общество смотрело на унию с подозрением и презрением, не давало ей свободно существовать и развиваться, видело в ней не самостоятельный религиозный феномен, а средство для достижения своих исторических интересов. Чтобы остановить перерождение в латинство, сохраниться в общественно-политических реалиях Российской империи, греко-католицизму настоятельно требовались реформы. Попытки их проведения или, скорее, борьба за реформы, как считает генерал Бобровский, составляют главную отличительную черту описываемого им периода истории унии в России.

Вновь приходится говорить, что католические и распространяющие белорусские националистические идеи историки, стараются доказать: главным препятствием на пути самосохранения греко-униатства

была антикатолическая политика Петербурга. Взгляд Бобровского иной. Исследуя проблему, он приходит к заключению, что борьба за оздоровление и укрепление унии развернулась не между российскими властями и униатами, а между клерикальными группировками внутри самой униатской церкви. Ее духовенство еще во времена Речи Посполитой разделилось на два неравные по численности, силе и влиянию лагеря, представители которых по-разному смотрели на направление развития, а следовательно, на будущее своей церковной общины. Вхождение белорусско-украинских земель в состав Российского государства, декларировавшего господствующее положение Православия, не породило, но лишь усилило уже имевшие место разногласия, которые, по сути, представляли собой составную часть цивилизационного противостояния русского и польского духа.

Представителей первой клерикальной группировки Бобровский называет «латинниками». К ним он относит монахов ордена базилиан, созданного в 1617 г. под прямым влиянием иезуитов. Этот униатский орден традиционно, начиная с XVII в., имел в своем составе большое число (до двух третей) выходцев из римского обряда, как правило, представителей польских и полонизированных белорусских и украинских шляхетских семей. Уже в силу этого обстоятельства базилиане полностью разделяли латинские и польские интересы, а потому свои усилия направляли к искоренению в греко-католицизме всего того, что разделяло католиков восточного и западного обрядов, а также пропаганде польских национальных идей. Латинизаторскую и полонизаторскую деятельность базилиане развивали в структурах церковного управления, куда они проникли в большом количестве, а также в церковно-школьном деле. Униатские учебные заведения базилиане фактически монополизировали, сосредоточив в своих руках как образование народа, открыв при монастырях множество школ,

так и пастырскую подготовку приходского женатого духовенства, заняв места преподавателей в епархиальных семинариях. Помимо этого, орден имел автономное управление и разными способами присвоил себе большую часть немалых капиталов, которыми располагала униатская церковь. В результате базилиане сумели раскинуть на территории современных Беларуси и Украины широкую сеть своих монастырей, а также приобрели такое могущество, которое позволяло им проводить собственный церковно-политический курс. Деятельность ордена или открыто, или тайно разными средствами поддерживали почти все греко-католические епископы, в большинстве сами вышедшие из него, помещики-католики и ксендзы, видевшие в нем своего естественного союзника. Особую помощь и покровительство базилианам оказывали иезуиты, которые в первые два десятилетия XIX в. имели большое влияние в западных губерниях и в столице империи.

Представителей оппонирующего «латинникам» лагеря П. О. Бобровский называет «ориенталистами» (т.е. ориентирующимися на Восточное Христианство). К ним он относит всех тех, кто противился движению унии к растворению в римском обряде и стремился к восстановлению в ней внешней формы Восточной Церкви, которую греко-католицизм имел изначально. По мнению Павла Осиповича, в широком смысле сюда относился весь белый женатый клир. Поэтому «ориенталистов» он часто называет «партией белого духовенства». Будучи близкими простому народу, зная его этно-культурную самобытность, приходские священники понимали, что сближение с польскими римо-католиками ведет белорусских и украинских униатов к утрате этнической идентичности. Они считали, что их церковь, находясь в союзе с Римом, тем не менее, остается частью Русской Церкви и должна служить историческим интересам своего народа. Поэтому низовое духовенство крепко держалось

остатков Кирилло-Мефодиевского наследия в униатском богослужении. Особое раздражение этих стихийных, если так можно выразиться, «ориенталистов» «латинники»-базилиане вызывали еще и потому, что монахи, расширяя и укрепляя свои позиции внутри церкви ради ее латинизации и полонизации, сделали это в ущерб положению женатых священников. Базилиане вытеснили их с наиболее крупных и богатых приходов, превратив их храмы в свои монастыри, перекрыли доступ к основательному богословскому образованию, целенаправленно разрушая изнутри епархиальные семинарии, встали железной стеной на пути достижения влиятельных должностей в системе церковного управления. Орден фактически обрек белое духовенство на материальную нищету, невежество, отсутствие выхода из униженного состояния. Такое положение вещей сложилось уже в XVIII в. и вызывало беспокойство римских пап, которые в своих буллах призывали иерархию прекратить засилье монахов. Однако это был глас вопиющего в пустыне. Буллы под разными предлогами игнорировались, ситуация продолжала усугубляться. В нач. XIX в. напряжение между белым клиром и базилианами достигло апогея. Масло в огонь подливали известия из Австрии. Там униатская церковь была реформирована: остановлена ее латинизация и полонизация; чрезмерное могущество базилианского ордена было подорвано, монашество поставлено в естественные для него рамки; за счет упразднения излишних, по мнению австрийского католического правительства, монастырей освобождены значительные финансовые средства и на них создана система качественного духовного образования. Но наиболее важное, что было сделано в австрийской части унии — это улучшение материального обеспечения и повышение социального статуса приходского духовенства. Оно в результате получило возможность участвовать в организации народных школ и влиять на развитие народной культуры.

Белое духовенство российской части унии было слишком подавлено базилианами и разобщено, чтобы самостоятельно организоваться и выдвинуть из своей среды активных поборников за преобразование церкви в австрийском духе. Но его общее настроение стало основанием для появления «ориенталистов» в узком смысле. Ими П. О. Бобровский называет тех епископов и членов корпорации начальствующего униатского духовенства, которые противостояли «латинникам» в органах церковного управления и которые в силу своего положения имели возможность выступить с программой преобразований и деятельно проводить ее в жизнь.

Инициатором движения «ориенталистов» и первым из них стал митрополит Иракий Лисовский. Он был искренним униатом, стремился к сохранению и возвышению унии, а потому взялся за перестройку ее церковного организма по австрийскому примеру. Правительство Александра I пошло Лисовскому навстречу, полагая, что австрийский опыт вполне применим в России, то есть оно вполне благосклонно смотрело на укрепление греко-католицизма. Это обстоятельство в очередной раз опровергает тиражируемое в настоящее время во многих изданиях мнение о религиозной нетолерантности царизма по отношению к униатскому обряду. Митрополит Иракий, которого генерал Бобровский считает «великим униатским архипастырем», сумел при поддержке властей с 1801 по 1809 гг. добиться: законодательного запрещения латинского прозелитизма; введения в России сана греко-католического митрополита; сосредоточения решения униатских дел в отдельном униатском департаменте Римско-католической духовной коллегии (до этого греко-католики административно не выделялись правительством из общего состава католической церкви); создания в Главной католической семинарии при Виленском университете отделения для униатских воспитанников. Наконец, он создал Полоцкую

семинарию, где учащиеся углубленно изучали богослужение Восточной Церкви, а также энергично восстанавливал первоначальную литургическую практику унии, очищая ее богослужение от латинских наслоений.

Базилиане увидели в действиях высокопреосвященного Ираклия угрозу своему могуществу, материальному благополучию и препятствие своим стремлениям. Генерал Бобровский обстоятельно описывает их поддержанные иезуитами интриги против начинаний митрополита. Усилия «латинников» стали причиной того, что преобразовательные планы митрополита Ираклия, умершего в 1809 г., оказались незавершенными, а во многих пунктах только намеченными. Более того, у Лисовского в иерархии не нашлось достойного преемника. Его единомышленники митрополит Григорий Коханович и архиепископ Иоанн Красовский не имели ни необходимой глубины видения проблем, ни должной энергии. Опутанные интригами базилиан, они не смогли продолжить его дело. В результате после смерти митрополита Ираклия плоды его деятельности очень быстро начали разрушаться. Уния с видимой стороны вновь вернулась на путь саморазрушения — слияния с католичеством римского обряда. Однако так только казалось.

Как полагает П. О. Бобровский, деятельность Лисовского сыграла в судьбе унии огромную роль. Главное, чего сумел достичь этот иерарх, состояло в том, что он изменил настроение белого духовенства, убедил его, что перемены возможны. Более того, он создал церковно-правовую базу для полного преодоления кризиса и вывел на поле церковной деятельности целую плеяду активных, убежденных в необходимости борьбы за сохранение унии и восстановления ее в первоначальной чистоте белых священников. Именно они, а не единомышленники Лисовскому епископы оказались последовательными борцами с «латинниками».

Выдвинутые высокопреосвященным Ираклием Лисовским униатские клирики «ориенталисты» группировались в епархиальных капитулах. Капитулы не имели внятного канонического обоснования, существовали по привнесенной от церкви римского обряда традиции, хотя и имели аналог в древней западнорусской церкви. Они представляли собой совещательные и отчасти исполнительные органы при правящих архиереях. Капитулы имелись не во всех епархиях (например, в Виленской митрополичьей епархии капитул никогда не был создан) и очень различались по структуре, полномочиям и материальному содержанию. Генерал Бобровский пишет, что самый многочисленный, объединивший наиболее авторитетных и активных членов, а потому влиятельный капитул сформировался в Брестской епархии. В условиях, когда после смерти митрополита Ираклия в униатской иерархии не нашлось достаточно энергичных сторонников продолжения реформ, Брестский капитул по собственной инициативе выступил в роли борца с базилианами за сохранение унии.

Автор детально рассматривает «сражение» Брестского капитула с базилианами и теми архиереями, которые их поддерживали, в том числе и с митрополитом Иосафатом Булгаком, возглавившим российскую часть унии в 1817 г. Наиболее видными членами Брестского капитула, направлявшими его деятельность, Павел Осипович называет каноников Антония Тупальского, Антония Сосновского и Михаила Бобровского. Именно они с 1819 по 1827 гг. вынесли на своих плечах основной груз борьбы за сохранение и укрепление унии. Их эпископальная, судя по описанию автора, борьба сводилась к: 1) требованию передачи излишних базилианских монастырей в ведение белого духовенства; 2) созданию епархиальных семинарий за счет присвоенных базилианами фондов (т.е. церковных капиталов); 3) очищению богослужения от латинских элементов; 4) организации системы соци-

ального обеспечения для женатого клира. Бобровский доказывает, что, несмотря на ограничение полномочий Брестского капитула территорией Брестской и Виленской епархий, его действия были хорошо известны всему униатскому белому духовенству, поддерживались им, а потому носили для российской унии общецерковный характер. То есть фактически Брестский капитул являлся представителем белого духовенства, выразителем его интересов и чаяний. При этом П. О. Бобровский особо подчеркивает отсутствие у членов капитула даже мысли о разрыве союза с Римом и присоединении к Православию.

Разгоревшаяся в унии битва между «ориенталистами» и «латинниками» имела бюрократическую форму. Из унии в соответствующие государственные инстанции империи тек поток записок, проектов, предложений, протестов. В них каждая из сторон стремилась объяснить свою позицию, доказать ее благотворность для интересов российского государства. Целью было получение от правительства выгодных для себя постановлений, указов, распоряжений и проч. Для «партии белого духовенства» во время царствования Александра I дело осложнялась общей невнятностью политического курса Петербурга в западных губерниях. Он заключался в постоянном поиске умиротворяющих компромиссов. Такая «дипломатия», как считает генерал Бобровский, вела только к эскалации конфликта внутри унии, дезориентации имевших соприкосновение с греко-католиками правительственных функционеров и потере авторитета высшей власти. Автор в деталях раскрывает отношение к раскладу сил в унии чиновников и на местах и в столице; описывает успехи колонизаторских усилий князя А. Чарторыйского в системе образования в западных губерниях; рассказывает о том, что высокопоставленные лица при Александре I, такие как А. Н. Голицын, Н. Н. Новосильцев и прочие, в первых, считали белорусские земли поль-

ской провинцией, поскольку весь высший класс здесь состоял или из поляков, или из глубоко и безвозвратно колонизированной местной шляхты. Во-вторых, на унию они смотрели глазами «латинников» — базилианских провинциалов, консульторов, настоятелей монастырей, а также покровительствующих им епископов. В таких обстоятельствах, чтобы не дать унии окончательно раствориться в польском костеле, брестские каноники проявили чудеса дипломатического искусства и, одновременно, удивительную силу духа. Их деятельность заставила митрополита Иосафата Булгака постараться примирить обе стороны. С этой целью поздней осенью 1825 г. он созвал чрезвычайную комиссию — «великую консульту», — состоящую из представителей Брестского капитула и руководителей Литовской провинции базилианского ордена. Однако компромисс не был найден. Интересы белого клира и монашествующих оказались слишком разными, чтобы их сблизить. В итоге напряженность борьбы только возросла, похоронив надежду на то, что униатское духовенство сможет когда-либо единодушно трудиться на благо своей Церкви.

П. О. Бобровский приходит к выводу, что, несмотря на все преграды, «ориенталисты» одержали верх над «латинниками». Эта победа состояла в том, что своими проектами, протестами и жалобами Брестский капитул опосредованно добился издания указа правительствующего Сената от 9 октября 1827 г. Указ предписывал: 1) не допускать в базилианский орден лиц римо-католического обряда; 2) подвергать кандидатов на членство в ордене испытанию на знание славянского языка и устава греческого богослужения; 3) восстановить первоначальную обрядовую чистоту унии; 4) учредить в греко-католических епархиях училища для духовного юношества с глубоким изучением церковно-славянского языка и славянской службы. Павел Осипович пишет, что этим указом подрывалось могущество

базилианского ордена, ставилась непреодолимая преграда его латинизаторской и полонизаторской деятельности.

Генерал Бобровский высказывает мнение, что исход противостояния «партии белого духовенства» и «партии латинизаторов» был исторически предопределен. Во-первых, базилианский орден клонился к упадку, поскольку монахи погрязли в стяжательстве, роскоши, пьянстве и разврате. Монастыри страдали от своеволия и бесчиния, перестали быть оазисами высокодуховной жизни и здравого религиозного просвещения. Напротив, белое духовенство, униженное и угнетенное, сохраняло в себе твердый нравственный стержень. Лучшие его представители в лице членов Брестского капитула ради блага церкви и народа были готовы на жертвы. Во-вторых, униатский вопрос для российского правительства оказался тесно связан с этнокультурным направлением политики в сфере народного образования. В 1820-е гг. в ней произошел поворот. Он был вызван тревогой Петербурга по поводу деятельности многочисленных библейских комитетов, масонских лож, благотворительных и разного рода тайных организаций. В западных губерниях они, наполненные польским и полонизированным дворянством, навязывали польский язык и культуру белорусам и украинцам. Изменение взгляда правительства нашло отражение в упразднении на территории России ордена иезуитов в 1820 г., запрещении масонских лож, закрытии библейских комитетов и проч. Сменивший А. Н. Голицына на должности министра народного просвещения А. С. Шишков, начал менять ситуацию в Виленском учебном округе. Прежде под управлением А. Чарторыйского молодое поколение воспитывалось здесь в духе польского патриотизма. Теперь большое внимание власти начали уделять униатской церкви, ее воспитательному воздействию на народ. Как пишет автор, с 1822 г. явно проявилось желание правительства восстановить в унии во многом утрачен-

ные русские черты. Это желание начало оформляться в конкретную политику после воцарения императора Николая I. Тогда новое поколение российских чиновников, таких как Г. И. Карташевский и Н. Тургенев иначе взглянуло на ситуацию внутри католицизма восточного обряда. О присоединении униатов к Православию мысли не было. Этот вопрос считался слишком тонким и щепетильным. Речь шла о том, чтобы уменьшить в унии силы тех кругов, которые тянули ее к латинскому обряду. То есть в 1820-е гг. Российская империя постепенно начала комплексно решать проблему не русификации белорусов и украинцев, их и без того считали русскими, а деполонизации края. Создание в унии согласного с целями правительства расклада сил оказалось одним из элементов этой политики и совпало с интересами сторонников оздоровления и возвышения унии из числа белого духовенства.

В совокупности постепенное внутреннее разложение базилианского ордена и новые подходы российского правительства к ведению дел в западных губерниях, по мнению П. О. Бобровского, привели к победе «ориенталистов». Появление указа от 9 октября 1827 г. они считали своей заслугой. Указ произвел на белое духовенство сильное впечатление. Павел Осипович пишет: «С приведением в исполнение основных положений указа 9-го октября о реформе базилианского ордена должна была прекратиться латинизаторская миссия этого латино-польского института в русской унии... с падением ордена, который эксплуатировал унию для своих собственных чисто латинских интересов, русская уния должна была рано или поздно угаснуть, и русская церковь в западном крае должна была стать вполне русской не только по имени, но и по форме, содержанию и духу»³. Из этих слов следует, что автор считал союз с Римом полуторамилионной части белорусско-украинской церкви обреченным, медленно «угасавшим». Согласно его представлению,

естественно развивающиеся внутренние процессы толкали унию к Православию. Последнее препятствие на этом пути разрушили члены Брестского капитула, в первую очередь, А. Тупальский, А. Сосновский и М. Бобровский. Не задумываясь о возвращении белорусов-униатов в православное вероисповедание предков, они невольно послужили будущему воссоединению, создав в унии новую обстановку и новое настроение. Их борьба с базилианами против полонизации и латинизации церковной жизни, твердое отстаивание интересов белого духовенства, стали примером поведения и подготовили почву для новой генерации белых священников, получивших высшее богословское образование в стенах Главной католической семинарии при Виленском университете. Молодое поколение, по мнению автора, отличалось талантом, энергией, а также честолюбием. Этим людям уже были доступны высшие церковные должности вплоть до архиерейского сана при условии безбрачия. Из круга молодых и амбициозных высокообразованных униатских клириков вышли как сама идея присоединения к Православию, так и все те деятели во главе с митрополитом Иосифом Семашко, которые привели униатскую церковь к воссоединению в 1839 г.

Таким образом, концепция исследования П. О. Бобровского заключается в том, что: 1) годы с 1801 по 1828 составляют совершенно особый период в истории унии в пределах Российской империи; 2) появление в высшем духовенстве греко-католической церкви в 1830-е гг. людей, действовавших против союза своей церкви с Римом, было закономерным. Последнее стало следствием естественных процессов, проходивших внутри и вокруг унии. Автор выстраивает стройную, логически обоснованную картину формирования в клире униатской церкви такого настроения и соотношения сил, которые не могли не привести к возникновению проекта общего воссоединения. При этом, не умаляя заслуг непосредствен-

но участвовавших в подготовке Полоцкого собора лиц, Павел Осипович особое внимание обращает на незаслуженно забытых, по его мнению, современными ему историками униатских деятелей, трудившихся в самое опасное для церкви время — членов Брестского епархиального капитула. Без их самоотверженного служения ликвидация унии была бы невозможна.

Книга П. О. Бобровского порождает больше вопросов, чем дает ответов: было ли исторически обусловлено появление реформ митрополита Иракия Лисовского; выступало ли женатое духовенство единым фронтом против латинизации и полонизации церковной жизни; могла ли носить, и носила ли в реальности деятельность Брестского капитула общецерковный характер; каковы были настоящие цели брестских каноников; насколько исторически предопределен был поворот государственной политики в 1820-е гг.; существовала ли в действительности у молодых образованных священников в кон. 1820-х гг. тяга к Православию и т.д. Поэтому исследование Бобровского было неоднозначно принято сообществом дореволюционных церковных историков. С острой критикой научных выводов автора выступили М. О. Коялович и И. П. Филевич.

Профессор Санкт-Петербургской духовной академии М. О. Коялович, который в те времена являлся самым крупным историографом Брестской унии, посвятил монографии Бобровского специальную брошюру под длинным названием «Разбор сочинения П. О. Бобровского «Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I. Историческое исследование по архивным документам» и указание, на основании архивных документов, иной постановки всех главных униатских вопросов этого времени». В ней Коялович обратил внимание на поверхностное знакомство генерала Бобровского с архивными источниками и недостаточную его подготовку

в области церковной истории. Он подверг сомнению то значение, которое Бобровский придавал борьбе Брестского капитула для всей российской части греко-католической церкви в общем и для низового духовенства в частности. М. О. Коялович указывает на факты борьбы с тенденциями латинизации и полонизации унии, которые без связи с деятельностью Брестского капитула имели место в других униатских епархиях. Относительно же истинных, согласно его взгляду, намерений членов Брестского капитула, Коялович пишет: «Они желали воссоздать на западнорусской земле такой колосс унии, вершину которого, разумеется, должно было составить церковно-славянское богослужение, неизвестно по какому образцу; середину — возвеличенные и прочно созданные епархиальные капитулы, способные придавить не только базилиан, но и бедных приходских священников; а затем колосс должен был держаться на глиняных ногах, на либеральной, но неизменной связи с Римом и на либеральном полонизме, на просветительной системе Чарторыйского, с польским языком в науке и общественной»⁴. Можно говорить, что в этом высказывании заключается обвинение брестских каноников в прожектерстве авантюрного толка и не слишком красивой попытке приобретения власти и почета за счет своих собратьев. В целом же профессор Коялович отвергает вывод Бобровского о том, что с 1801 по 1828 гг. в унии имели место такие тенденции, которые предопределили появление проекта ликвидации унии, поданного российскому правительству прелатом Иосифом Семашко в ноябре 1827 г. Это решившее судьбу унии в Российской империи событие Коялович считает с точки зрения исторической науки случайностью, порождением особым образом сложившихся обстоятельств; с религиозной же точки зрения оно представляло собой действие Промысла Божия. По его мнению ситуация в унии развивалась весьма благоприятно для продолжения латинизации и полонизации.

Коялович пишет, что никакой победы Брестского капитула над базилианами не было, а исполнение указа от 9 октября 1827 г. могло привести лишь к новому всплеску страстей внутри и вокруг унии с неопределенным, а скорее всего с прямо противоположным намерением правительства результатам. Именно понимание обреченности унии на исчезновение в недрах польского костела толкнуло прелата Иосифа Семашко на отчаянный шаг — предложение властям проекта общего воссоединения. Это был его личный подвиг, совершенный «по вдохновению», не подготовленный кем-либо со стороны.

Подвергнув разгромной критике монографию генерала П. О. Бобровского, профессор М. О. Коялович приходит к заключению, что она написана не с целью поиска исторической правды, а ради прославления деятельности тех униатских исторических лиц, труды которых оказались забытыми обществом. Главное же состояло в том, что среди этих лиц находился ближайший родственник Павла Осиповича Бобровского — протоиерей Михаил Кириллович Бобровский.

Участие в обмене мнениями по данному вопросу принял профессор Варшавского университета И. П. Филевич. В брошюре «Вопрос о воссоединении западно-русских униатов в его новейшей постановке» он поддержал мнение М. О. Кояловича о недостаточном знании генералом Бобровским предмета исследования. Также он обратил внимание на многочисленные натяжки в логических построениях Павла Осиповича, неточно сформулированные им мысли и расплывчатую терминологию. По мнению И. П. Филевича, годы с 1801 по 1828 не являлись особыми в жизни унии. В это время имело место не более чем завершение периода противостояния белого духовенства и базилианского монашества, который начался сразу после Замойского собора 1720 г. Решения этого собора канонически

оформили и усилили наметившиеся ранее тенденции латинизации католичества восточного обряда, а также позволили базилианам занять в унии доминирующее положение в ущерб интересам белого клира. Последнее и привело к расколу духовенства на два враждующие лагеря в первой половине XVIII ст. Следовательно, столкновение «ориенталистов» и «латинников» за переустройство церковного организма — его реформирование — не составляло главную отличительную черту истории российской части унии в первой трети XIX в.

Согласно взгляду профессора Филевича, борьба членов Брестского капитула с базилианами являлась точным повторением того, что происходило в той части Брестской унии, которая оказалась на территории Австро-Венгрии. Правда, с опозданием на 30–40 лет и с другим результатом. В Австрийской империи правительство поддерживало женатый клир и достаточно бесцеремонно, не оглядываясь на чье бы то ни было мнение, подорвало могущество базилианского ордена. Тем самым полонизация и латинизация унии были прекращены⁵. Однако здесь униаты не видели рядом с собой Православия и стихий русской народной жизни. Поэтому неожиданная победа «партии белого духовенства» привела к формированию среди униатской элиты искусственного представления о «русскости» и ее духовном фундаменте, что в конечном итоге стало причиной появления общественно-политического и этно-культурного феномена «украинства». В Российской империи, где униаты оказались лицом к лицу с Православием и российской государственностью, такой результат был невозможен. Поэтому столкновение униатских клерикальных группировок оказалось бессмысленным. Победить латинизаторов и полонизаторов чтобы в дальнейшем выдумывать особую униатскую «русскость», проживая рядом с единокровным православным русским народом, сторонникам сохранения и возвышения унии было, по

меньшей мере, глупо. В итоге Филевич не разделяет высокого мнения Бобровского о деятельности членов Брестского капитула. Он пишет, что они не победили базилиан, не создали почву для движения новой генерации образованного белого духовенства к Православию, а вполне закономерно сошли с исторической сцены практически сразу после появления проекта воссоединения, составленного Иосифом Семашко. Таким образом, профессор Филевич не считает начало подготовки воссоединения в 1828 году связанным с усилиями А. Сосновского, А. Тупальского и М. Бобровского, а следовательно, полностью разделяет мнение профессора Кояловича.

За читателем книги П. О. Бобровского остается выбор: признать или не признать научные выводы уважаемого автора; согласиться или не согласиться с адресованными в ее сторону критическими замечаниям М. О. Кояловича и И. П. Филевича. Во всяком случае, мнения всех этих ученых мужей заслуживают интереса и вдумчивых размышлений. Тем более, что описанная в сочинении генерала Бобровского борьба униатских клерикальных группировок была отражением того духовного и этнокультурного столкновения, которое происходило на белорусских землях в переломную для них эпоху. Если принять точку зрения П. О. Бобровского, то противостояние «латинизаторов» и «ориенталистов» внутри российской части униатской церкви подготовило почву для воссоединения греко-католиков с православными в 1839 г., стало точкой опоры в цивилизационном повороте, который произошел в западных губерниях Российской империи в результате исчезновения Брестской унии. После Полоцкого собора униатского духовенства, постановившего отказаться от унии, исчезли белорусы-униаты — потенциальные союзники поляков-латинян, возможные сторонники возрождения Речи Посполитой, а появились белорусы-православные, разделяющие свою судьбу с единоверным братским русским народом.

Сейчас это многим не нравится. Тем, кто стремится изобразить Россию извечным врагом и угнетателем белорусов и украинцев, тем, для кого колонизированный белорус-католик, или иначе — костельный поляк, предпочтительнее православного белоруса, тем, кто пытается доказать, что уния была хранительницей белорусского языка и культуры, мощным заградением против русификации. Между тем стоит обратить внимание: коль скоро П. О. Бобровский прав, то деятельность той части униатского духовенства, которая выступала против латинизации и колонизации своей церкви, не инициировалась и не направлялась царским правительством. Эти люди действовали самостоятельно, по велению своей совести, согласно своим представлениям о благе союзной Риму белорусско-украинской церкви. Усилия митрополита Иракия Лисовского, митрополита Григория Кохановича, архиепископа Иоанна Красовского, а также членов Брестского капитула послужили остановке колонизации части белорусского народа, невольно содействовали разрыву унии, церковной и цивилизационной перерождения белорусов с Запада на Восток. Следовательно, описанные П. О. Бобровским позабытые герои унии должны быть для современных белорусских националистов злейшими врагами наравне с теми, кто поставил точку в судьбе униатской церкви в Российской империи — митрополитом Иосифом Семашко, архиепископами Василием Лужинским и Антонием Зубко и их сподвижниками. Более того, в этот список придется записать все приходское духовенство униатской церкви, трудившееся в первой трети XIX столетия — стихийных «ориенталистов». Тогда кто же из униатского клира того периода может вызывать симпатии антиправославно настроенных историков? Получается, что только латинизаторы и колонизаторы. Но ведь они делали все, чтобы белорусско-украинские греко-католики переродились в костельных поляков. Где же здесь у современных белорусских националистически настроенных авторов логика?

Мало того, если стать на позицию М. О. Кояловича, то уния объективно и неуклонно стояла на пути саморазрушения, растворения в польском католицизме. Но в таком случае, о каком сохранении в унии национальных белорусских традиций, белорусского языка и культуры может идти речь? Получается, что уния вела белорусский народ в историческое небытие. Поэтому те, кто послужил ее разрыву, являются подлинными белорусскими патриотами.

Остается только один способ обосновать то мнение, что уния все-таки могла стать фундаментом национально-культурного развития белорусского народа. Для этого необходимо опровергнуть доводы И. П. Филевича и доказать: греко-католическая церковная община в пределах Российской империи могла справиться с терзавшими ее проблемами, а ее духовенство могло на основании этого заняться широкой деятельностью по организации школ для простого народа и стать в авангарде национального строительства. Идеи просвещения народа униатским духовенством, действительно, высказывал протоиерей М. Бобровский, увидевший зачатки развития национальных культур во время посещения им славянских областей Австрийской империи. Протоиерей Михаил предлагал положить в основание просвещения «следовавших греко-восточному обряду» русских преподавание церковно-славянского языка. В школе, которую на своем приходе в местечке Клещель организовал протоиерей Антоний Сосновский, крестьянских детей учили церковно-славянскому языку, русской и польской грамоте, арифметике, сельскому хозяйству и огородничеству. Может быть, если бы такие школы получили широкое распространение, то в среде связанных с ними униатских духовных лиц появилась мысль о разработке на основе местных говоров белорусского литературного языка; может быть из низов народа вышли бы национальные писатели и поэты. Однако, чтобы это произошло, нужно было вывести униатское духовенство

на соответствующий такой задаче уровень образования, социального положения и материального благополучия. Именно за это, если принять аргументы П. О. Бобровского, боролись митрополит Ираклий Лисовский и члены Брестского капитула. Им не препятствовало российское правительство. Однако борьба «ориенталистов», по версии генерала Бобровского, только естественным образом привела униатов к Православию, а, согласно мнению профессора Кояловича и профессора Филевича, оказалась безуспешной и тоже завершилась гибелью униии. Исходя из этого, виновниками нереализованности национально-культурного потенциала униии оказываются «латинники», упрямо лоббировавшие в униии польские национальные интересы.

Пока никто из историков не сумел опровергнуть аргументы П. О. Бобровского, М. О. Кояловича и И. П. Филевича. Никто не сумел доказать, что в униии имелись силы, способные преодолеть ее институциональный кризис, сделать ее жизнеспособной. Поэтому противникам воссоединения униатов с православными в 1839 г. остается только возводить голословные, не подтвержденные историческими фактами обвинения на российское правительство и главных деятелей подготовки Полоцкого собора из числа униатов. При этом обходится стороной вопрос об экклезиологическом состоянии униатской церкви, не анализируются пылавшие в ней внутренние конфликты, разрушившие униию изнутри. Одновременно не замечается, что именно исчезновение униии религиозно объединило белорусов, сделало их по-настоящему единым народом. Это стало основой для национально-культурного строительства и появления современной Беларуси. Об этом свидетельствует то, что если в нач. XIX ст. православные белорусы просто называли себя русскими, а греко-католики или русскими, или чаще униатами, о чем писал Е. Карский⁶, то на первой переписи населения Российской империи в 1897 г. 70%

проживавших в Беларуси называли свой родной язык белорусским, т.е., освободившись от униии, белорусы осознали свое своеобразие. В православных церквях они не потеряли свое лицо, в отличие от тех белорусов, которые, перейдя из униии в костелы, начали считать себя поляками.

Описанное Павлом Осиповичем Бобровским противостояние униатских «ориенталистов» и «латинников» в первой трети XIX в. является во многом забытой страницей истории. Оно по своему смыслу представляло собой борьбу за духовный выбор белорусского народа, и не было громким, бросавшимся в глаза постороннему наблюдателю. Это ожесточенное столкновение проходило в тишине кабинетов, в коридорах дворцов, в приемных залах сановников, под сводами храмов и монастырей, в классах церковных школ. Там скрипели перья и звучали тихие разговоры. В то же время эта борьба требовала огромного напряжения сил и самоотверженного подвига, потому что ставка в ней была необыкновенно высока.

Книга генерала П. О. Бобровского повествует о неизвестных героях прошлого Беларуси, позволяет познакомиться с давно забытыми событиями и поразмышлять над нашим настоящим, может быть, осмыслить его по-новому.

Библиография

1. Бобровский, П. О. Михаил Кириллович Бобровский (1785–1848) ученый славист-ориенталист. Историко-биографический очерк П. О. Бобровского / П. О. Бобровский. — Санкт-Петербург: Тип. В. С. Балашева, 1889. — С. 105.
2. Бобровский, П. О. Ответ на критику г. Кояловича, по поводу сочинения «Русская греко-униатская церковь при Александре I» / П. О. Бобровский. — Санкт-Петербург: Тип. В. С. Балашева, 1890. — С. 44.

3. Бобровский, П. О. Русская Греко-Униатская церковь в царствование императора Александра I. Историческое исследование по архивным документам П. О. Бобровского / П. О. Бобровский. — Санкт-Петербург: Тип. В. С. Балашева, 1890. — С. 394.

4. Карські, Я. Беларусы / Я. Карські; уклад. і камент. С. Гараніна і Л. Ляўшун; навук. рэд. А. Мальдзіс; праadm. Я. Янушкевіча і К. Цвіркі. — Мінск: «Беларускі кнігаабзор», 2001. — С. 640 {8} с іл.

5. Коялович, М. О. Разбор сочинения П. О. Бобровского «Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I. Историческое исследование по архивным документам» и указание, на основании архивных документов, иной постановки всех главных униатских вопросов этого времени / М. О. Коялович. — Санкт-Петербург: Тип. В. С. Балашева, 1890. — С. 71.

6. Филевич, И. П. Вопрос о воссоединении западно-русских униатов в его новейшей постановке / И. П. Филевич. — Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1891. — С. 31.

Примечания:

¹ Против унии выступали и многие католики.

² На территории Российской империи униаты оставались только на Холмщине в, так называемом, Царстве Польском. Они (236 приходов 234 000 верующих) были воссоединены с православием в 1875 г.

³ Бобровский, П. О. Русская Греко-Униатская церковь в царствование императора Александра I. Историческое исследование по архивным документам П. О. Бобровского / П. О. Бобровский. — Санкт-Петербург: Тип. В. С. Балашева, 1890. — С. 359.

⁴ Коялович, М. О. Разбор сочинения П. О. Бобровского «Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I. Историческое исследование по архивным документам» и указание, на основании архивных документов, иной постановки всех главных униатских вопросов этого времени / М. О. Коялович. — Санкт-Петербург: Тип. В. С. Балашева, 1890. — С. 28.

⁵ И в старой и в новой отечественной историографии унии не поясняются мотивы таких действий австрийских властей. Между тем, они являлись частью продуманной политики и опирались на конкретную идеологическую базу — фебронианизм. В основе этого учения, появившегося в 60-е гг. XVIII в. в Германии, лежал известный галликанизм. Фебронианизм требовал ограничения папской власти, восстановления нарушенной папизмом полноты полномочий правящих епископов, деятельного участия в религиозной жизни государственных властей, долженствующих защищать права и привилегии национальных церковных общин и проч. В фебронианизме особое негативное мнение высказывалось в отношении католических монашеских орденов. Они рассматривались как средневековый пережиток, рассадник фанатизма и обскурантизма. Фебронианизм нашел практическое применение в этно-религиозной политике австрийского императора Иосифа II, получившей впоследствии наименование иосифизма. Частью иосифизма был курс на уничтожение влияния монашества. Для этого закрывались монастыри, подрывалось материальное могущество орденов, перекрывался доступ монахов к иерархическим должностям. При назначении на них преимущество отдавалось представителям приходского духовенства. Под этот удар попали и базилиане, что пресекало их латинизаторскую и полонизаторскую деятельность, и, как следствие, остановило растворение греко-католицизма в римском обряде. Так что говорить о том, что

австрийские католические власти особо охраняли, лелеяли унию неправомочно. Сохранение и укрепление унии стало побочным эффектом их общей религиозной политики, ее неожиданным результатом. Более того, в Австрии в последней четверти XVIII в. в церковной сфере были проведены такие реформы, на которые российское правительство отважилось только после 1828 г. Поэтому прежде чем укорять

Петербург за нетерпимость в отношении базилианского ордена, что делают многие современные авторы, стоит в том же обвинить Вену.

⁶ Карскі, Я. Беларусы / Я. Карскі; уклад. і камент. С. Гараніна і Л. Ляўшун; навук. рэд. А. Мальдзіс; прадам. Я. Янушкевіча і К. Цвіркі. — Мінск: «Беларускі кнігаабзор», 2001. — С. 105.